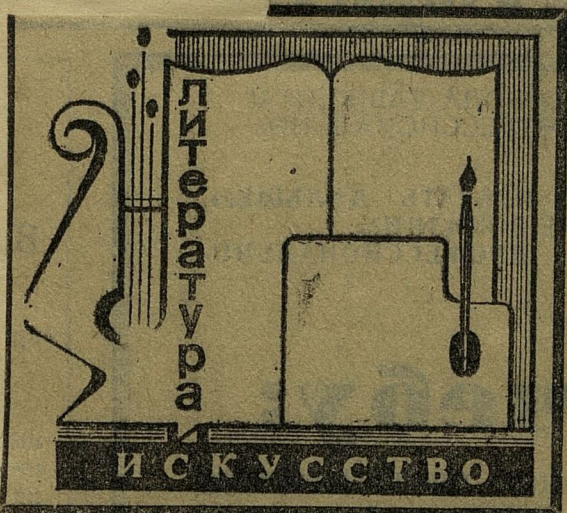

ЗА ПОЭТИЧЕСКУЮ ДИЛОГИЮ «ДАЛЬ ПАМЯТИ», «СУД ПАМЯТИ» ПОЭТУ ЕГОРУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ ИСАЕВУ ЦК КПСС И СОВЕТ МИНИСТРОВ СССР ПОСТАНОВИЛИ ПРИСУДИТЬ ЛЕНИНСКУЮ ПРЕМИЮ 1980 ГОДА.

В годы Великой Отечественной войны Егор Исаев стихов не писал. Он воевал. Освобождал село за селом, город за городом. Терял дорогих сердцу друзей-однополчан. Воевал далеко от своей родной деревни Коршево под Воронежем. В конце войны ступил он на землю Чехословакии, участвовал в освобождении Праги.

Он еще не писал стихов, но они уже занимались в нем, как рассветная заря на краю многозвездного неба. И, наконец, уже тогда, может, и не до конца осознавая это, молодой советский воин как бы ощутил и впитал в себя те дали, которые потом долго, пока не воплотились в поэмы «Суд памяти» и «Даль памяти», не давали ему покоя. Ведь как раз в то время, когда он выбивал гитлеровцев с улиц Праги, когда бросался в атаку, сливая свой голос с общим «ура», когда тяжело молчал, глядя на свежую могилу товарища, когда в короткие и беспокойные часы сна видел свою деревню-певунью Коршево, далекое становилось близким, близкое — далеким, а все это вместе перекрецивалось и совмещалось в нем.

Так начинались дали Егора Исаева, не торопливо, а степенно овладевая им, чтобы в конце концов помочь

• Лауреаты Ленинской премии 1980 года

ЛИЦОМ К ПЕРЕЖИТОМУ

ему самому овладеть ими, встать лицом к пережитому. Без малейшей суеты или спешки, а как сама природа, которой нужен немалый срок, чтобы вырастить хотя бы одну рощу, работает он над своими произведениями. Больше десятилетия было отдано им «Суду памяти» — поэме, которая, как творение, достойное творца, постепенно, без сенсационного шума и гама, но зато основательно, завоевала тысячи и тысячи читательских сердец.

Фундаментальность и глубина в подходе к раскрытию темы, в работе над художественной формой, созданием своей необыкновенно интересной образности, а главное — то естественное, живое волнение, которое присутствует во всем, о чем пишет Егор Исаев, делают его поэмы как бы неотъемлемой частью души и переживаний читателя — вчерашнего, сегодняшнего, завтрашнего.

Глубинно национальные по форме выражения, отличающиеся богатством языка, свойственной русской поэзии музыкальностью, произведения Егора Исаева по своему содержанию, охватывающего духовных, человеческих и исторических далей выходят за горизонты места и времени их написания.

Наверное, именно гражданственность, не пафосная, не показная,

как модная одежда, а выстрадавшая, поставившая поэта лицом к пережитому, делает поэмы Исаева весомыми, значимыми, не стареющими. Эта гражданственность не затеняет, а, наоборот, щедро высвечивает самобытность, какую-то удивительную, я сказала бы, щедрость его поэзии. Больше всего это проявляется в образности, которой, как океан глубинами, изобилует его стих.

В этом смысле глава «Кремень-слеза» в поэме «Даль памяти», на мой взгляд, наиболее характерна для понима-

тая, делает этого большого поэта доступным для всех «начинающих» (а они, надо сказать, нередко злоупотребляют этим), не позволяет ему сказать правду. Ведь правда — в огромности того, о чем он пишет. И масштабы мысли диктуют масштабы произведения. А лирика — живая их ткань. В «Кремень-слезе», в этой поэме в поэме, лирику ощущаешь в каждой строке. Здесь люди глухой ночью «беседуют с костром», и на его свет, «на берег разговора» выкатывается луна, и кремень-слеза...

ская волна принимает известие о том, что на дороге найдена слеза:

...приподнялась:
— А долго ли искали?
и вся собой до гребня
занята,
пошла на скалы, скалы
облакая,
перегибая изумрудный
стан:
— Да кто же не знает,
бестолочь такая,
их у меня вон целый
океан...

Обратите внимание на соседство «изумрудного стана» (и действительно ведь изумрудного!) — образа из так называемой «высокой» поэзии — и обращения к кукушке — «бестолочь» — словеска не злобного, но полного чисто крестьянского презрения к неумению понять что-то уж очень обычное.

Или еще пример: по дороге идут люди, «кто с чем: кто с песенкой-потехой, кто со слезой-обидой, кто с бедой», идут и едут на возах. И вдруг в эту будничную картину врывается: «А за день не дождал, поговори с какой-нибудь звездой». Вот он — переток земли и неба, зримый, звучный и, как мне кажется, главный признак исаевской поэзии — и в творческой его манере, и в выборе хода, дороги повествования.

Она — эта «дорога вечной памяти» поэта и его народа «всплыла над степью, над степной дорогой», над временем. Она соединила «Кремень-слезу» с «Далью памяти» и «Судом памяти», впитала в себя жизненный путь автора, но не выделила его, а сделала частью общего народного, по-настоящему большого пути, поставила лицом к пережитому каждого, кто читает об этой дороге.

Созданное поэтом всегда будет волновать читателей — и сегодня, спустя 35 лет после Победы над гитлеровским фашизмом, и в будущем, — потому что в его поэмах — осуждение насилия, войне, смерти, потому что в них — близкие сердцам людей дали и — сколько бы ни прошло времени — в них будут оставаться — жить, бороться, мечтать, обращаться к нам с призывом: «Берегите мир!» — миллионы погибших.

Н. ЗВЯГИНА.

ния всей поэзии Исаева. Порой удивляешься, как сжато и как в то же время протяжно, богато показана в ней вся история России, история страданий, борьбы и побед ее народа. Здесь, что ни возьми — образ дороги, звезды, учителя, гармониста, самой кремень-слезы, — все на слух и на глаз полно тепла, дыхания. Нет никакой искусственности, никакой надуманности.

— В поэме, — считает автор, — главное не изложение. Нельзя только «рассказывать» о человеке, надо исходить из человека, из его души и характера. Нельзя говорить о войне вообще, надо говорить «из войны»... Иными словами: поэма пишется не «по теме», а «из темы», рождается из ее существа. Думаю, что проявить талант в поэзии можно лишь в том случае, когда строка рождается не от желания, а от необходимости сказать свое слово.

Егора Исаева часто спрашивают, почему он, такой тонкий и своеобразный лирик, у которого даже трактор — это «окованный железом» стригунок, который просятся «в ночной табун», не пишет стихов о природе, любви, о море, а работает над поэмами.

Исаев отвечает: — Вот еще одну закончу, а уж потом...

Та же скромность, ко-

Как жили? — вспоминают герои поэмы и отвечают: «Сердце камнело. А ей-то как — слеза — не каменеть!».

Идет спор, чья же все-таки это слеза — женская ли, пролитая в годы крепостничества, царизма, в нищете, голоде, бесправии, в горькое вдовье время турецкой, японской, германской войн, или мужская, которая «во рту крошилась при ударе и редко, чтоб катилась со щек», когда били и казнили, как Степана Разина, когда гнали по царским указам в Сибирь? Наконец, выясняется, что это «вся Русь слеза-камень!». Так, по дороге живой человеческой истории, истории целого народа до самого заветного, родного «по совести, по корню главного закона Октября» ведет поэт своим читателей.

И не простая это дорога. Она «стремит себя, впадая в горизонт», а в полночь, «как вкопанная вдова», бежит «на чей-то зов далекий в тревожной переимчивой тиши — на самом том извечном перетоке земли и неба, мысли и души».

Так, думается, создана и сама «Кремень-слеза» — на перетоке земли и неба, мысли и души. Это — и в находке емкой формы и сюжета, и в самом языке. Посмотрите сами, прислушайтесь, как мор-